

КУЛЬТ ПРЕДКОВ И ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ПОВЕДЕНИЯ БИРМАНЦЕВ

Хорошо известно, что в традиционном обществе ритуал оказывает огромное влияние на сознание человека. Поведение индивида в таком обществе складывается как результат следования определенной неписаной норме. Значение этой нормы состоит в том, что она стремится свести все бесконечное разнообразие жизненных ситуаций к строго определенному, инвариантному набору. Каждый участник такой ситуации, вне зависимости от своих личных качеств, следует заданному в соответствии со своим статусом стереотипу поведения. Сама установка на такое поведение также является стереотипом. Эта установка реализуется не на логическом, рациональном уровне, а на уровне подсознательного: она с самого раннего детства интроецируется в область подсознания каждого индивида. Очевидно, что представитель традиционного общества не в состоянии объяснить (с точки зрения современного человека), почему в той или иной ситуации принято вести себя так или иначе¹.

Стереотипное поведение восходит к старинному обряду, связанному с архаическим культом. Поэтому ключ к объяснению стереотипного поведения можно найти в результате сопоставления ритуалов, праздников, поверий, рудиментарно сохранившихся мифов и обрядов.

В этой статье делается попытка дать ответ на вопрос, почему в Бирме почитают старших по возрасту.

Для бирманского общества, как, впрочем, и для любого традиционного общества, характерно особое отношение к старшим. Социальный статус «старшего» является чрезвычайно престижным. Старшие пользуются особыми привилегиями, они окружены почетом и вниманием со стороны младших, вправе требовать от последних подчеркнутого уважения и послушания, их мнение — решающее на соответствующем уровне. До сих пор старшим отводят самую престижную комнату в доме — ту, где находятся изображения Будды. Младшие не имеют права садиться за стол прежде, чем это сделают старшие, не имеют права указывать старшим на их ошибки.

В настоящее время критерии статуса «старшего» несколько размыты: под старшим может пониматься и тот, кто занимает более высокую ступеньку в социальной иерархии, и тот, кто богаче, и тот, кто обладает магической силой «поун»² и т. д. В старину же возрастная стратификация была главной осью бирманского традиционного этикета, почет и уважение находились в прямой зависимости от возраста человека. Все остальные факторы имели второстепенное значение. Так, в средневековой Бирме даже с высокопоставленными чиновниками старики могли разговаривать «сверху вниз», если первые были гораздо младше. Исключение составляли лишь король и члены королевской семьи. Да и те считались достойными осуждения, если относились к старикам без должного уважения.

Во многих дальневосточных обществах (Китай, Вьетнам, Япония) почитание старших вылилось в особый культ, ставший характерной чертой общественных отношений, освященный государством и господствующими религиозно-философскими доктринами. Так, в Китае почитание предков было в числе главных официальных ритуалов; одним из основных принципов конфуцианства была сыновняя почтительность — «сяо». Согласно этому принципу, дети должны быть беззаветно преданными своим родителям, стремиться выполнять любые их пожелания. Отступление от этого принципа считалось в высшей степени безнравственным. «Недостойн имени сына тот, кто любит другого человека более, нежели своего отца»³.

В таких же странах, как Бирма, Лаос, Таиланд, почитание старших не получило такого широкого развития и столь явного проявления, не было такой

официальной апологетики «сыновней почтительности», как в Китае. Тем не менее почитание старших играет очень важную роль в жизни бирманцев — это один из главных стереотипов мышления и поведения, характерных для традиционной бирманской культуры. То, что почитание старших не сохранило развитого внешнего проявления, объясняется конкретными историческими причинами, которые будут рассмотрены ниже.

Так, на стыке X и XI вв. короли первого общепирманского государства — Пагана старались всемерно укрепить свою политическую власть и мощь молодой империи. Делались многочисленные попытки создать единую идеологию, которая выражала бы интересы королевской власти и способствовала бы консолидации страны, возникшей в относительно короткий промежуток времени. Основой такой идеологии должна была стать единая официальная религия. В то время в Бирме религиозная ситуация отличалась большой пестротой. Общей национальной религии не было, сосуществовали различные местные культы, тяготевшие к тому или иному центру, что способствовало росту сепаратистских настроений; служители этих культов зачастую были оппозиционно настроены по отношению к королевскому двору. В начале XI в. полулегендарный бирманский король Аноратха решил унифицировать все существующие культы. Народные культы беспощадно подавлялись, их адептов преследовали и казнили, поэтому становится понятно, почему многие из старинных бирманских культов, в том числе и культ предков, до наших дней не дожили и в лучшем случае проявляются лишь рудиментарно.

Но еще более серьезным ударом по бирманским верованиям было принятие в XI в. — при том же короле Аноратхе — буддизма тхеравадийского толка. Официальный культ 37 натов⁴ в Бирме не прижился, поэтому от него пришлось отказаться. Буддизм тхеравады оказался несравненно более жизнеспособным мировоззрением. Буддистские философские воззрения с их концепцией власти «мудрого правителя», как нельзя лучше отвечавшие идеологическим требованиям элиты, пришлись по душе и всем слоям населения. Буддизм проник во все области бирманской духовной культуры. Под влиянием буддийских представлений о дхарме (всеобщем законе), о карме (воздаянии за все поступки, о моральном долге каждого человека и т. д.) претерпела значительную трансформацию система традиционных ценностей. Бирманская мифология, обрядность, праздники, этикет — все было переосмыслено на буддийский лад, облачено в буддийские одежды. К настоящему времени старинные, архаические ритуалы и воззрения слились с буддийскими в единое целое. Бирманский буддизм — это синкретическая религия, где добуддийские и буддийские элементы неотделимы друг от друга. Представления самих бирманцев о буддизме очень смутные и отличаются от «чисто буддийских». Многие западные исследователи⁵ отмечали поразительное невежество не только мирян, но и членов сангхи в области тхеравадийского канона. Весьма показательно, что бирманцы, считающие себя истинными поборниками буддийской веры, принимают самое деятельное участие в праздниках и ритуалах, необъяснимых с точки зрения буддизма. Это же касается многих сторон стереотипов поведения бирманцев, в том числе и традиционного этикета. Так, в частности, буддийское толкование получил один из древних обрядов, связанный с почитанием старших, а именно церемониальное мытье головы старым людям во время новогоднего праздника. Проведение этого обряда вменяется в обязанность молодым девушкам. Они сами изготавливают душистую воду, подходят к домам, где живут пожилые люди, произносят благопожелания, просят разрешения вымыть старикам голову и затем совершают церемонию перед входом в жилище. При этом старики воспринимают такое внимание как должное, ибо облагодетельствованными считаются не они, а те девушки, которым они разрешили участвовать в церемонии: с точки зрения буддийского этикета свою карму улучшили именно девушки, поэтому они и должны быть благодарны старикам. Или другой пример. Так, если спросить любого бирманца, почему следует чтить родителей и вообще старших, он,

не задумываясь, ответит, что родители — это одна из пяти буддийских драгоценностей⁶. Конечно, невозможно не согласиться с тем, что почитание родителей — одна из главных буддийских добродетелей. Однако нельзя сводить это почитание только в буддийской набожности. Подобное отношение к родителям (и к предкам вообще) уходит корнями в архаические добуддийские стереотипы мышления и поведения. В связи с этим представляется очень интересным, как одна бирманская пословица толкует буддийское понятие кармы: «Карма — это то же, что отец и мать». Понятие кармы, заимствованное из Индии, первоначально было чуждо бирманцам; и чтобы объяснить значение и смысл этого понятия, его ставят на одну ступень с чисто бирманскими ценностями. Другая пословица говорит о том, что человек, почитающий своих родителей, т. е. предков, пользуется их волшебной помощью: «Если внимать советам родителей, то даже камни и железо можно расплавить, бросив их в кипяток». Известно, что в фольклорной традиции всех народов магическая помощь оказывается не столько живыми, сколько умершими или умирающими родителями⁷. Так, в одной бирманской сказке рассказывается, что жили некогда муж и жена, у которых не было родителей. Жена очень горевала, что у них нет матушки, поэтому она сплела из соломы куклу и назвала ее матушкой. Относилась она к своей «матушке», как и подобает, очень почтительно: несмотря на насмешки мужа кормила, поила, ухаживала за ней. И «матушка» отблагодарила ее за это — рассказала, где найти сокровища. После этого и муж стал с благоговением относиться к соломенной кукле.

Возможно, бирманцы действительно держали когда-то в домах изображения предков или их статуэтки, в результате чего впоследствии возник обычай хранить дома изображения Будды, которым бирманцы молятся до настоящего времени и зажигают в их честь лампадки. В некоторых деревенских домах до сих пор на столбе внутренней комнаты подвешивают кокосовый орех, умощенный благовониями. На него надевают маленький «гаун-баун» красного цвета — традиционный бирманский мужской головной убор. Вероятно, кокосовый орех в мужском головном уборе — это имитация головы предка, рудимент обычая сохранения в доме черепа или мумифицированной головы предка. Подобные обычаи зафиксированы, например, у папуасов Новой Гвинеи, новозеландских маори и других народов Океании⁸. У тайцев, культура которых типологически близка к бирманской, есть сказки, непосредственно фиксирующие такой обычай⁹. Что касается бирманского фольклора, то на прямую связь черепа с кокосовым орехом указывает следующая сказка. Некогда правителю одного бирманского города доложили, что море прибило к берегу плот, на котором находились ведьма, вор и обманщик. Ведьму и вора король пожалел и подарил им по дому и по тысяче серебряных монет, решив, что это вернет их к честной жизни. Обманщика же ничто не может исправить, поэтому король приказал сразу же отрубить ему голову, что и было исполнено. Но голова обманщика на этом не успокоилась. Одному придворному офицеру голова велела передать королю, чтобы тот пришел и поклонился ей, иначе его ожидает смерть. Когда офицер передал королю требование головы, то король ему не поверил и послал к голове другого придворного, чтобы тот подтвердил слова офицера. Но в этот раз голова осталась безмолвной, и офицера казнили. Голова же стала насмехаться над королем и над придворными. Король понял, что казнил невиновного, и, чтобы голова больше не могла строить ему козни, он приказал бросить ее в глубокую яму и засыпать землей. Вскоре на том месте, где была похоронена голова, выросло странное дерево, плоды которого напоминали человеческую голову. Эти плоды стали называть кокосовыми орехами.

Согласно бирманской традиции, кокосовый орех в красном головном уборе — это подношение нату «Эйнтвин Маха-Гири», т. е. «господину Маха-Гири, живущему в доме». Маха-Гири, вошедший впоследствии в число 37 натов, о которых говорилось выше, является синкретическим божеством, сочетающим черты многих древних культов. Его полное имя — «Мин Маха-Гири», «Мин» —

по-бирмански «господин», «король»; «Маха-Гири» в переводе с языка пали означает «Великая Гора». Таким образом, «Мин Маха-Гири» — это «Господин Великой Горы». Великая гора — это эпитет горы Поупа, недавно потухшего вулкана, находящегося в самом центре долины Мъин-джан в Верхней Бирме. Гора Поупа — это бирманский Олимп, она считается местом обитания сверхъестественных существ. Нередко бирманцы отождествляют ее с горой Меру — центром мироздания в индуистской и буддийской мифологии. Маха-Гири стоит во главе всех натов, живущих на этой горе.

Культ Маха-Гири некоторое время насаждался бирманскими королями, в то время как другие культы искоренялись. Поэтому народ, опасаясь преследований, поклонялся различным натам под видом того, что поклоняется Маха-Гири, в результате чего культ «Господина Великой Горы» стал синкретическим, слившись с культами разных «опальных» натов¹⁰. По-видимому, каждый культ имел свое мифологическое обоснование, однако слияние культов привело к тому, что один мифологический мотив наложился на другой, к ним впоследствии «приросли» более поздние легенды и не сохранилось прямых объяснений того, почему кокосовый орех в «гаун-бауне» — атрибут «Господина Великой Горы». Тем не менее анализ мифов, преданий и праздников, посвященных Маха-Гири, позволяет найти эту связь. О том, как Мин Маха-Гири стал Великим натом, рассказывает следующая легенда. Жил некогда в легендарном королевстве Тагаун великий кузнец, очень красивый и очень сильный. Когда он бил по наковальне своим огромным молотом, то содрогалось все королевство. У кузнеца была сестра, девушка необыкновенной красоты. За это ее прозвали «золотое лицо». Король Тагауна очень боялся могучего кузнеца и решил его погубить. Справиться с ним силой он не мог и тогда решил прибегнуть к хитрости. Король женился на сестре кузнеца и сделал ее главной королевой. После этого он пригласил во дворец и самого кузнеца, объявив, что хочет назначить его губернатором столицы. Но когда доверчивый кузнец явился во дворец, его схватили, привязали к дереву чампе и разложили вокруг него огромный костер. Так кузнец погиб. Вместе с ним погибла и его сестра, бросившаяся в огонь вслед за братом. Сгоревшие брат и сестра стали натами. Они поселились в дереве чампа и убивали всех, кто подходил к дереву. Король, убоявшись натов, приказал срубить дерево и пустить его вниз по Иравади. Дерево это приплыло в соседнее королевство, правитель которого решил учредить культ этих натов. Он приказал вырезать из дерева чампы их статуэтки и покрыть золотом. На вершине горы Поупа в их честь была сооружена золотая рака, и торжественная процессия двинулась к этой горе. Туда были перенесены и установлены статуэтки натов. Этих натов с тех пор стали называть «Господами Великой Горы» — брату дали палийское имя Мин Маха-Гири, сестре — бирманское Таунджишин; оба имени означают одно и то же. В память об этих событиях был учрежден праздник Огня¹¹.

Эта легенда поздняя — она была записана в «Хрониках стеклянного дворца»¹² и отражает официальную версию «административного» учреждения культа Маха-Гири. Заметим, что эта легенда имеет много общего со сказкой о происхождении кокосового ореха. Обратим внимание на следующие общие элементы: наты Маха-Гири приплыли в соседнее королевство в срубленном дереве; ведьма, вор и обманщик — на плоту. Ведьма и вор получили в дар от короля по тысяче монет и по дому; брат и сестра Маха-Гири также получили «дом» — золотую раку и свои золотые изображения. Наты Маха-Гири были обожествлены; отрубленная голова обманщика требует, чтобы король, под страхом кары, поклонялся ей. По-видимому, и сказка, и легенда из «Хроник» — это различные варианты одного и того же старинного мотива о возникновении культа натов Маха-Гири. Действительно, «ведьма» и «вор» — те же брат и сестра Маха-Гири, ибо налицо явный намек на связь с миром духов и на конфликт с королевской властью. Кроме того, «плот» — это еще одно указание на «потусторонность» приплывших на нем, ведь плот — одно из средств «переправы на

тот свет» и одновременно один из видов казни¹³. Недаром и голова «обманщика» требует от короля поклонения: неуважительное отношение к ней приводит к смерти. Голова эта успокаивается лишь тогда, когда ее «бросают в яму и засыпают землей», т. е. хоронят с соответствующими церемониями. А «удивительное дерево с плодами в виде человеческой головы» не напоминает ли столб с подвешенным на него кокосовым орехом в «гаун-бауне»? Правда, остаются не совсем ясными функции «обманщика»¹⁴, о них умалчивает и сказка, и легенда. Однако это не столь важно; уже сам факт того, что «обманщик» был в одной компании с натами Маха-Гири указывает на их связь с головой — кокосовым орехом и с культом предков.

Теперь обратим внимание на то, что Маха-Гири — это двойной нат, брат и сестра. Этот факт имеет очень большое значение. Поздняя легенда сохранила древний «близнецный» мотив. Роль близнецов в различных мифологических системах хорошо известна: близнецы связаны с окончанием полевых работ и урожаем, с огнем и домашним очагом, со змеем и с культом предков¹⁵. У бирманцев, как и у многих народов мира, есть сюжет о происхождении всех людей от близнецов — брата и сестры. Он очень похож на китайский миф о Нюйве и Фуси¹⁶. Этот сюжет лежит в основе следующей сказки. Жили некогда в одной деревне двое бедных сирот — брат и сестра. Однажды в деревню, где они жили, пришел нищий старик и стал просить подаяния. Однако жители деревни не только не проявили никакого почтения по отношению к старику, но издевались над ним и даже избили, совершив, таким образом, страшное преступление. И лишь брат и сестра отнеслись к старику с должным уважением — они накормили его и приютили у себя в хижине. Старик же этот был самим Тиджаминем — королем натов. Он специально принял облик убогого старца, чтобы проверить, как люди чтут закон, но везде встречал лишь бессердечие, жестокость и непочтительность. Поэтому Тиджамин решил уничтожить всех злых людей, наслав на землю наводнение. Спасти же должны были только эти двое детей. Тиджамин вырвал у себя зуб и велел детям посадить его в землю. Через некоторое время из зуба выросла гигантская тыква. А вскоре началось страшное наводнение, вода поднялась до небес, и все люди погибли. Спаслись лишь дети, укрывшиеся в тыкве. Когда вода спала, дети выбрались из тыквы и обнаружили, что кроме них людей на свете больше не осталось. Через несколько лет, когда дети подросли, то к ним опять явился Тиджамин и посоветовал им жить как муж и жена. Близнецы последовали его совету, и в положенный срок сестра родила — но не ребенка, а тыкву¹⁷. Брат разрезал тыкву ножом, и из тыквы вышло много людей, которые впоследствии заселили всю землю. Таким образом, эта сказка-миф указывает на то, что предками, прародителями людей являются брат и сестра. Это служит еще одним подтверждением связи натов Маха-Гири с культом предков.

Интересно, что в сказке функции всемогущего духа-предка имеет и Тиджамин — король натов, надаром он является именно в образе старика. Эта сказка имеет еще и чисто этикетную сторону — она утверждает принцип почитания старших.

Культ натов Маха-Гири — это синкретический культ, объединивший элементы не только культа предков, но и некоторых других, в том числе культа огня и домашнего очага. Подобная связь характерна для мифов очень многих народов мира¹⁸. То, что в древности бирманцы поклонялись огню, не вызывает сомнений. Огню был посвящен специальный праздник — Тэзаундай, или, как его иначе называют, праздник Света (Огня). Этот праздник существовал с глубокой древности. Первоначально его отмечали в месяц Тэзаунмон. Одним из элементов этого праздника была иллюминация: все дома, улицы, дворцы, культовые постройки были освещены специальными масляными лампадками или восковыми свечами. Праздник Света знаменовал конец муссонного сезона. К этому времени небо очищалось от туч и ночью на нем ярко сияло созвездие Каттика — Плеяды, связанные в бирманской мифологии с небесным огнем. Согласно бирманской астрологии, праздник Огня проходит под знаком мифической планеты

Кате, также связанной с огнем и, по-видимому, с драконом. Дракон (пинсаюба — «зверь пяти совершенств») — ездовое животное этой планеты.

Впоследствии, когда бирманские короли вводили культ Маха-Гири, праздник Тэзаундайн был посвящен этим натам, культ которых вообрал и черты культа Огня: так, сам Маха-Гири — кузнец, живущий на вулкане; оба ната — брат и сестра — сгорают в огне. Отсюда один шаг до «Маха-Гири, живущего в доме» — красный гаун-баун на кокосовом орехе — «голове предка» прямо говорит о том, что в культе Маха-Гири объединились и почитание предков, и почитание огня, и почитание домашнего очага. Связь этих культов находит свое отражение и в церемониях праздника Огня. Следует сказать несколько слов об истории этого праздника. Как пишет Маун Тхин Аун, праздник Огня — это древнейший языческий праздник, который отмечали в полнолуние восьмого месяца — тэзаунмона. Когда был введен официальный культ натов Маха-Гири, праздник Огня королевским указом перенесен на девятый месяц — натто. Впоследствии, когда культ Маха-Гири был объявлен вне закона, огни стали зажигать в честь Будды. Само же празднование перенесли на седьмой месяц — тадинджут. С того времени повсеместно получила распространение легенда, согласно которой в полнолуние месяца тадинджут Будда вознесся на небеса Тавадейнты, где находилась его мать, чтобы прочитать ей проповедь. На обратном пути духи в небесах и люди на земле освещали дорогу Учителя огнями и в память об этом зажигают огни в эту ночь и по сей день.

В результате переноса праздника Огня с одного месяца на другой он стал отмечаться и в полнолуние месяца тадинджут, и в полнолуние месяца тэзаунмон. Однако праздник Тадинджут, или Тавадейнта, как его еще называют, считается чисто буддийским. Одной из главнейших церемоний этого праздника была процессия, имитировавшая восхождение Будды на небеса Тавадейнта. Небеса Тавадейнта изображал специально построенный для этой цели павильон — манда. На полпути от места начала процессии до «Небес Тавадейнта» строили еще один павильон, изображавший гору Угандо, на вершине которой Будда последний раз коснулся земли, поднимаясь на небо¹⁹. Согласно описанию Дж. Скотта, процессия начиналась часов в восемь вечера. На специальный вагончик, который можно было катить по трамвайным рельсам, ставили статую Будды и медленно тащили к павильонам. Будду окружала большая группа актеров в костюмах легендарных королей, натов, небожителей всех степеней совершенства, в масках мифических животных — змея-нага, птицы Гаруды, утки Хинты, дракона и т. д. Когда статую подкатывали к «Небесам Тавадейнта», вокруг этого павильона собиралась огромная толпа. Актеры-миряне (монахи в процессии не участвовали) исполняли различные буддийские гимны, декламировали священные тексты и молитвы. Изображение Будды на сутки оставляли в павильоне, а следующим вечером с такими же почестями везли обратно в монастырь²⁰.

Эта церемония, хотя и посвящена ныне Будде, поразительно напоминает легендарную процессию, описанную в «Хрониках», когда на гору Поупа поднимали изображения натов Маха-Гири. В свою очередь, процессия в честь натов Великой Горы, по-видимому, тоже является переосмыслением еще более раннего архаического ритуала²¹. Интересным представляется и тот факт, что Будду окружают те же мифические животные, в масках которых танцуют и во время праздника Тэзаундайн.

Следует обратить внимание также и на то, что Будда вознесся на небеса не только для того, чтобы наставить свою мать на путь дхармы, а прежде всего чтобы выразить ей свою сыновнюю почтительность. Об том прямо говорится в тексте проповеди, которая читается якобы от лица самого Будды во время церемонии Тавадейнта: «Я, великий Шрамана, могущественнейший во Вселенной, учитель закона, указывающий путь к спасению и выходу из цепи перерождений... даже Я не могу не отдать свой долг той груди, которая вскормила Меня. О, что Я могу сделать, чтобы выразить сыновнюю любовь и благодарность своей матери?»²².

Согласно буддийским интерпретациям старинных ритуалов поклонения предкам, в память о том, как Будда Гаутама почтил свою мать, в один из дней праздника Тадинджут проводится церемония «кадо». Слово «кадо» переводится на русский язык как «прошу прощения». Так обращаются младшие к старшим. Суть церемонии «кадо» сводится к выражению почтения родителям и старшим родственникам. Происходит это следующим образом: младшие члены семьи приходят к старшим с подарками — цветами, связками бананов, восковыми свечами, затем склоняются перед ними в глубоком поклоне, так чтобы руки и лоб касались пола. Эта поза также называется «кадо», в этой позе просят прощения за все горести и обиды, которые младшие причинили старшим в этой жизни и предыдущих перерождениях. Старшие в свою очередь также просят прощения у младших и желают им долгой жизни и счастья²³. Эта церемония стала неотъемлемой частью бирманского этикета. Подобные церемонии проводятся не только в кругу семьи, но и по месту работы. Известно, что в былые времена церемония почитания старших устраивалась не только во время Тадинджута, но и в период других праздников²⁴.

В настоящее же время в Бирме, особенно в столице, наблюдается некоторый отход от традиционных бирманских ценностей. Это касается и почитания старших. Следует отметить, что уважение к старшим всегда было лишь идеалом поведения, грубые нарушения этой нормы имели место и раньше; но тем не менее нарушения эти и воспринимались как криминал. Сейчас начинает разрушаться сама норма. Это объясняется тем, что возникает все больше и больше новых, невозможных ранее этикетных ситуаций, в которых и отношения между участниками не являются традиционными. Впрочем, подобный отход от старинных стереотипов наблюдается лишь как тенденция, характерная для наиболее развитых районов Бирмы. В сельской местности традиционные установки остаются неизменными и по сей день.

Примечания

¹ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 33—35.

² Под «поун» бирманцы понимают индивидуальную магическую силу, обладатель которой пользуется исключительным авторитетом и влиянием среди людей. Представления о такой магической силе были весьма распространены у многих народов мира (например, понятие «мана» у меланезийцев и полинезийцев).

³ Цит. по: Сидихменов В. Я. Китай, страницы прошлого. М., 1987. С. 384. Подробнее см.: Георгиевский С. Принципы жизни Китая. СПб., 1888; Коростовец И. Китайцы и их цивилизация. СПб., 1898.

⁴ Куль 37 натов — официальный культ 37 духов, отобранных идеологами Аноратхи из числа местных духов или духов-покровителей архаических культов. Насаждался в начале XI в.

⁵ Nashi M. The Golden Road to Modernity. N. Y.; L., 1965. P. 105.

⁶ К пяти буддийским драгоценностям относятся Будда, сангха, дхарма, учителя и родители.

⁷ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 149.

⁸ Подробнее см. Народы Австралии и Океании. М., 1956. С. 478—479; Phillipps W. J. Maori Life and Custom. Wellington, 1964.

⁹ Иванова Е. В. Тайские народы Таиланда. М., 1970. С. 149.

¹⁰ Maung Htin Aung. Folk Elements in Burmese Buddhism. L., 1963. P. 79.

¹¹ Ibid. P. 65.

¹² «Хроники стеклянного дворца» были составлены в середине XIX в. по указанию королей династии Конбаун. «Хроники» — это своеобразная летопись, отражающая как реальные, так и легендарные события из истории Бирмы.

¹³ Пропп В. Я. Указ. раб. С. 212.

¹⁴ Для бирманской традиции характерно особое отношение к обманщикам. Обманщик — это трикстер, а у всех народов существа, подходившие под категорию трикстера, связаны с духами — они являются посредниками между миром людей и миром духов. Подробнее см. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 201—202.

¹⁵ Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.

¹⁶ Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1987. С. 357.

¹⁷ Об анализе этногенетических мифов о тывке см. Чеснов Я. В. Историческая этнография народов Индокитая. М., 1976. С. 247—262.

¹⁸ Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 329.

¹⁹ Scott J. G. The Burman, His Life and Notions. N. Y., 1963. P. 329.

²⁰ Ibidem.

²¹ Исследования этого мотива не входят в задачу статьи, однако необходимо отметить, что, по-видимому, у бирманцев в древности были представления об «умирающем и воскресающем божестве», а именно драконе. Так, существуют рудименты архаических земледельческих представлений о том, что дракон весной на Новый год опускается на землю, а осенью, в период Тэзаундайна, поднимается обратно на небо и принимает вид планеты Кате. Рудименты этих представлений сохранились и по сей день — считается, что в Новый год на землю опускается король натов Тиджамин, а осенью Маха-Гири восходит на Великую Гору в праздник Тэзаундайн.

²² Scott J. G. Op. cit. P. 329.

²³ Khin Myo Chit. Colourful Burma. Rangoon, 1976. P. 33.

²⁴ Западова Е. А. В стране, где течет Иравади. М., 1980. С. 35.

А. Р. Садокова

ЖАНРЫ ЯПОНСКОЙ НАРОДНОЙ КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗИИ

Важнейшей частью традиционной культуры японцев были и остаются произведения календарно-обрядового фольклора. В стране, где до сих пор бытует более 3 тыс. народных календарных праздников, (общегосударственных и локальных), их роль по-прежнему очень велика. Они вобрали в себя основные черты японской культуры: тонкое понимание природы, чуткое и порою восторженное восприятие окружающего мира.

Календарно-обрядовая поэзия Японии неразрывно связана с хозяйственной деятельностью крестьянства, с древними земледельческими культами, магическими обрядами. Неразрывно связанные с синтоизмом, земледельческие обряды японцев были также проникнуты идеей существования множества богов-ками, которые, согласно синто, живут во всех предметах и явлениях мира. Именно поэтому в каждом земледельческом обряде японцев принимали «обязательное участие» соответствующие синтоистские божества. Земледельческие обычаи и обряды были проникнуты верой в богатый урожай, благополучие и достаток всей крестьянской общины. Нередко они сопровождались народными гуляниями, хороводами, брачными игрищами и многочисленными песнями, приуроченными к конкретной календарной дате или сезону.

История изучения народной песни, в том числе и календарно-обрядовой, имеет в Японии давние традиции. Японскими учеными собран и опубликован колоссальный полевой материал, как правило, снабженный комментариями. Издание первых сборников народных песен относится к середине эпохи Эдо (1603—1868). Среди них особо значимы сборник «Песни птиц и сверчков в горной хижине»¹ и сборник Наосуми Сугаэ «Деревенская мелодия»². В конце XIX в. появилась работа Вада Кэндзю «Разные жанры японских песен»³. Начало нашего столетия было ознаменовано выпуском сборников, которым на протяжении десятилетий суждено было стать наиболее полными собраниями песенной лирики. Это сборники Маэда Рингай⁴, Хасимото Сигэру⁵, а также сборник издательства Министерства просвещения⁶.

В середине 30-х годов в Японии возрос интерес к теоретическому исследованию фольклора, изучению жанрового многообразия песенного наследия. В то время предпринимались первые попытки классификации народных песен. Наиболее значительные работы принадлежали Тода Токутаро⁷. Он одним из первых выделил календарно-обрядовые песни в японском фольклоре. Исследователь отнес их к жанру «синдзи ута», в который были включены все песни, сопровождавшие синтоистский ритуал.

Первая половина XX в. связана в японской фольклористике с именем выдающегося исследователя традиционной культуры Янагида Куньо (1875—1962). Его фундаментальный труд о народной песне⁸ стал основополагающим для последующих поколений ученых. В этом сочинении, а также позднее,